

Т.В. Бордачев, Д.П. Новиков

Украинский кризис и американо-европейские отношения: Структурные последствия и наметившиеся тенденции

Аннотация. Международный кризис вокруг Украины, начавшийся с массовых демонстраций на Майдане в Киеве и переросший в кровавый вооруженный конфликт в Восточной Европе, сегодня является одним из главных вызовов региональной безопасности. Отличительной чертой украинского кризиса является комплексный характер его последствий для системы политических, стратегических и экономических связей в регионе. В данной статье рассмотрено структурное влияние украинского кризиса на повестку дня и динамику евроатлантических отношений.

Abstract. Ukrainian crisis, started with mass manifestations on the Maidan square, today is one of the main challenges to European security. The distinctive feature of the crisis is the complex consequences for the whole system of political, strategic and economic links in the region. This article will focus on structural influence of Ukrainian crisis on agenda and dynamics of Transatlantic relations.

Ключевые слова: США, ЕС, украинский кризис, европейская безопасность.

Keywords: USA, EU, Ukrainian crisis, European security.

Стратегическая консолидация: Синхронизация европейско-американского подхода к украинскому кризису

Международный военно-дипломатический кризис вокруг Украины в 2014–2015 гг. стал одним из центральных сюжетов в

американо-европейских отношениях, определил эволюцию их природы и содержания, сформировал предпосылки для эволюции этих отношений в долгосрочной перспективе. Последствия украинского кризиса проявились в значительном воздействии, которое события на Украине оказали на весь комплекс американо-европейских отношений: политическое и торгово-экономическое сотрудничество, диалог по вопросам безопасности, координацию подходов Вашингтона и его европейских союзников к отношениям с третьими странами. Прежде всего это касается диалога с крупнейшим восточным соседом – Россией, в котором за последние полтора года наметились признаки сближения подходов США и стран Европейского союза. При этом украинский кризис не только создал условия для возвращения США в Европу, но и способствовал консолидации ведущих сил Запада перед лицом вызова западному доминированию со стороны новых центров силы.

Сближение США и стран ЕС на фоне украинского кризиса можно рассматривать в качестве важнейшей предпосылки формирования более сплоченного сообщества стран Запада в противостоянии новым игрокам, в первую очередь Китаю и России. В экономическом отношении кризис вокруг Украины, совпавший по времени с кризисными явлениями в европейской экономике, способствовал прогрессу переговоров о формировании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) – экономического объединения стран Запада вокруг США. В стратегическом измерении американо-европейская консолидация на фоне украинского кризиса характеризовалась двумя ключевыми факторами: подтверждением и увеличением зависимости ЕС от США в сфере безопасности и усиливающейся синхронизацией общей политики США и ЕС в отношении новой «угрозы с Востока».

Видимую активизацию американской дипломатии на Украине хронологически можно отнести к декабрю 2013 г.: посещение Майдана помощником госсекретаря США В. Нуланд символически обозначило переход Вашингтона к более решительному участию в политическом процессе, до этого считавшемся внутриевропейским. Администрация Б. Обамы выступила в защиту протестующих сторонников евроинтеграции, оказывая поддержку ЕС в стремлении вернуть Киев на уже обозначившийся путь открытости европейским институтам [Обама впервые..., 2014]. В частности,

это проявилось в публично озвученных угрозах введения санкций в отношении президента В.Ф. Януковича и его окружения [Керри подтвердил., 2014]. Фактически президент Янукович оказался поставлен перед выбором, уклонение от которого долгие годы было основой внешней политики Украины, делавшей ставку на балансирование между Россией и ЕС.

Включившись в качестве одного из акторов в украинский кризис, США взяли курс на инкорпорацию Украины в евроатлантическое политico-институциональное пространство, последовательно проводя линию, не предусматривавшую какого-либо компромисса или компенсации для России. Более того, диалог Вашингтона с Москвой оказался невозможен в силу главной концепции американской вовлеченности в украинский кризис: восприятия протестующих в качестве основного субъекта украинской политики при одновременной делегитимизации действующего президента. Российский подход был диаметрально противоположен.

В то же время общий подход ЕС к разрешению украинского кризиса в первые его месяцы был принципиально отличен от американского. Брюссель и европейские столицы действовали, исходя из стремления не допустить сползания украинских событий в системный кризис как внутриукраинской, так и общерегиональной политики. В связи с этим в диалоге и с Москвой, и с официальным Киевом ЕС придерживался более умеренного подхода, пытаясь избежать тупика и сохранить лазейки для компромисса.

Главным проводником умеренной тональности европейской повестки являлась Германия, в меньшей степени – Франция, выступавшие за сохранение стратегических отношений с Россией и компромиссное урегулирование украинского внутриполитического конфликта на условиях, близких к *status quo*. Позиция Берлина в этот период характеризовалась ярко выраженным дуализмом, проявлявшимся в более жесткой риторике канцлера А. Меркель и более мягком подходе главы внешнеполитического ведомства В.-Ф. Штайнмайера [Speck, 2014]. Берлин стремился использовать пространство для маневра в условиях разгорающегося конфликта между Москвой и Вашингтоном для его погашения и недопущения перехода конфликта в открытую фазу. На практике подобный подход подразумевал сохранение В. Януковичем поста президента (временное, до следующих выборов) и поиск компромисса с Моск-

вой по вопросу об экономических и политических последствиях имплементации соглашения об ассоциации Украины с ЕС.

В русле такого подхода было составлено Соглашение президента В. Януковича и представителей оппозиции от 21 февраля 2014 г. [Agreement., 2014]. Документ предусматривал сохранение В. Януковичем поста президента при одновременном конституционном ослаблении президентских полномочий в пользу Верховной рады Украины, прекращение кровопролития на улицах Киева и перевод острых внутриполитических разногласий в конституционно-правовое русло. Недвусмысленная поддержка, оказанная данному соглашению европейской дипломатией, – под текстом документа поставили свои подписи главы внешнеполитических ведомств Германии, Франции и Польши, – отражала стремление европейских стран добиться стабилизации обстановки на Украине и если не преодолеть, то по крайней мере «подморозить» кризис в отношениях между внутриполитическими силами Украины, отстаивавшими разные векторы geopolитической ориентации. За этим стояло желание стабилизировать отношения между внешними игроками, на которые эти векторы были направлены.

Различие в подходах США и ЕС ярко проявилось в дипломатическом скандале, связанном с публикацией записи разговора между послом США на Украине Дж. Пайетом и помощником госсекретаря США В. Нулянд в начале февраля 2014 г. [Телефонный разговор., 2014]. В. Нулянд критично оценила политику ЕС в отношении украинского кризиса, допустив оскорбительное высказывание в адрес союзника. Позднее В. Нулянд извинилась перед европейскими коллегами, подтвердив тем самым достоверность разговора. Показательно, что при демонстрируемой трансатлантической солидарности по украинскому вопросу скандал, связанный с обнародованием фактов, свидетельствующих о неуважительном отношении американских дипломатов к союзникам, не получил вразумительных комментариев со стороны Белого дома и не привел ни к кадровым перестановкам в Государственном департаменте, ни к ответным дипломатическим шагам со стороны ЕС.

Разность стратегий США и стран ЕС касательно украинского кризиса в первые его месяцы отражала одну из важнейших черт отношений Запада с Россией и другими великими державами – относительный плюрализм в подходах западных стран к основным

мировым и региональным проблемам, сохранявшийся в 1990-е и 2000-е годы. В условиях «мягкой гегемонии» такой плураллизм придавал большую гибкость взаимодействию внезападных центров силы с евроатлантическим миром, в том числе с его лидером – США. Дальнейшее развитие украинского кризиса не только принципиально изменило российско-западные отношения, но, по сути, подвело черту под относительно полицентричным характером внутренней структуры евроатлантического пространства.

Невозможность имплементации соглашения от 21 февраля, составленного в духе умеренного подхода Берлина и Парижа, во многом была обусловлена отсутствием американской поддержки. В ходе переговоров США были представлены на уровне посла, отказавшегося при этом поставить подпись под соглашением (Россия, также не взявшая на себя формальных обязательств за исполнение документа, была представлена специальным представителем президента В.П. Лукой). Это способствовало делегитимизации соглашения в глазах наиболее радикального крыла протестующих, пользовавшегося безоговорочной поддержкой Вашингтона, и обусловило падение В. Януковича на следующий день после заключения соглашения. События 21–22 февраля, по сути, исключили возможность урегулирования кризиса на условиях временного компромисса. Перевод российско-западных отношений в жесткие рамки игры с нулевой суммой, одним из эпизодов которой стало присоединение Крыма к РФ, сформировал рамки для консолидации западной политики в отношении Москвы на основе американского подхода.

Характерной чертой этой стратегической консолидации явился распад общеевропейского подхода к украинскому кризису и отношениям с Россией на ряд отдельных тактических повесток. Закономерным следствием стало выпадение из «европейского концепта» Польши, игравшей наряду с Францией и Германией заметную роль в выработке соглашения от 21 февраля. «Посткрымская» политика Варшавы стремительно трансформировалась в радикально конфронтационный подход к отношениям с Москвой, зачастую даже более жесткий, чем предусматривалось политикой администрации Б. Обамы. Избрание на пост председателя Европейского совета премьер-министра Польши Д. Туска способствовало закреплению такого подхода на уровне европейских институтов. Увеличилась роль Великобритании, изначально занимавшей наи-

более близкую Вашингтону позицию и активно приветствовавшей падение президента В. Януковича в феврале 2014 г.

Консолидируя европейских союзников, США активно маневрировали между разными повестками. Так, динамика разрыва экономических связей с Россией после присоединения Крыма к РФ демонстрировала разный уровень готовности трансатлантических союзников к жесткой конфронтации с Москвой. Страны ЕС в большей степени дорожили экономическими связями с Россией, особенно в сегменте энергетического сотрудничества, что обуславливало неготовность Брюсселя и отдельных членов объединения к вводу экономических санкций против Москвы. Эти обстоятельства объективным образом корректировали и действия Вашингтона, в гораздо меньшей степени заинтересованного в сохранении торгово-экономических отношений с Россией, а потому проявлявшего большую готовность к введению ограничений против отдельных компаний, а также отраслей так называемого «третьего пакета» санкций.

Поэтому до июля 2014 г., т.е. до катастрофы малайзийского «Боинга», США и ЕС испытывали определенные трудности в синхронизации санкций в отношении Москвы. «Крымский эпизод» украинского кризиса не привел к полному консенсусу между Вашингтоном и его европейскими союзниками в этом вопросе. В то время как Вашингтон и Лондон, занявший близкую к американской позицию, призывали к ужесточению санкций и исключению России из «большой восьмерки» [Глава МИД., 2014], в Берлине стремились избежать большого ущерба экономическим отношениям с Россией и рассчитывали на ограниченную изоляцию Москвы для последующего возобновления диалога. Характерным проявлением такого подхода являлось затягивание решения по передаче России вертолетоносцев «Мистраль»: в течение 2014 г. даже в условиях ужесточения экономических санкций Париж уклонялся от принятия окончательного решения относительно их судьбы.

Ключевой германско-французской инициативой по «смягчению» ущерба российско-европейским отношениям стало образование так называемой «нормандской четверки», созданной в ходе встречи лидеров России, ФРГ, Франции и Украины в Нормандии в июне 2014 г. Нормандские контакты, в результате которых российский президент В. Путин и новоизбранный президент Украины

П. Порошенко достигли договоренностей по мерам деэскалации конфликта на востоке Украины, стали последней «самостоятельной» попыткой европейской дипломатии, представленной Парижем и Берлином, взять под контроль развитие кризиса и удержать спираль конфронтации. При этом ФРГ и Франция увязывали выполнение Россией достигнутых в Нормандии договоренностей с нежелательным для них самих ужесточением санкций.

Однако в условиях отсутствия у Берлина и Парижа реальных инструментов воздействия на Киев эти инициативы оказались обречены на провал. Эскалация вооруженного конфликта на Украине в июле-августе 2014 г. и катастрофа малайзийского авиалайнера в зоне боевых действий стали точкой невозврата, определившей ужесточение политики ЕС в отношении России и синхронизацию европейских санкций с санкциями США. Предъявленные Москве обвинения в поставках средств ПВО повстанцам и в косвенной причастности к крушению лайнера, поддержанные европейскими разведслужбами [Gude, Schmid, 2014], содействовали резкому росту антироссийских настроений в ЕС и создали политический климат, способствовавший нанесению значительного ущерба российско-европейским экономическим связям [Russia's global., 2014]. Показательно при этом, что США ввели элементы так называемого «третьего пакета» санкций 16 июля, за день до катастрофы, в то время как члены ЕС в то время еще не определились относительно необходимости введения секторальных санкций против России.

После катастрофы малайзийского авиалайнера эти санкции были введены, а инициатива в сфере определения общей стратегической повестки консолидированного американо-европейского подхода в отношениях с Москвой окончательно перешла к Вашингтону. Примечательно, что в этих условиях участники переговоров в «нормандском формате» фактически сосредоточились на тактическом «кризис-менеджменте», дважды (в сентябре 2014 г. и в феврале 2015 г.) способствуя прекращению огня и временной деэскалации конфликта. В настоящий момент ключевой формат российско-европейского диалога по Украине оказывает лишь ограниченное влияние на динамику стратегических отношений.

Политико-институциональная инкорпорация повесток союзников относительно восточного соседа произошла на саммите НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. В итоговых документах самми-

та констатируется возрастание угрозы со стороны России, которая с марта-апреля была фактически изолирована от каналов политических, гражданских и военно-технических контактов с альянсом [Wales summit., 2014]. Однако при этом не был принят ряд принципиальных решений, укладывающихся в рамки восточноевропейского подхода, по совершению последовательных шагов для превращения НАТО в специализированный инструмент сдерживания России (таких как форсирование интеграции Украины и Грузии в евроатлантическое пространство безопасности и резкое увеличение оборонных расходов) [Лукьянов, 2014].

В то же время в качестве гарантий безопасности, приемлемых для восточноевропейских членов ЕС и НАТО, было принято решение о формировании соединения «сверхбыстрого реагирования» (Very High Readiness Task Force) в составе 5 тыс. военнослужащих, а Вашингтон в дополнение к этому произвел одностороннее увеличение своего воинского контингента в ЕС. Так, в ноябре 2014 г. командующий сухопутными войсками в Европе Ф.Б. Ходжес сообщил о начавшейся переброске 150 танков и другой бронетехники для увеличения мобильности оперативных сил, расположенных в Восточной и Центральной Европе [Wong, 2015]. В феврале 2015 г. по итогам встречи министров обороны стран – членов НАТО было принято решение об увеличении сил быстрого реагирования (Response Force) альянса до 30 тыс. солдат. Эта повестка, предполагающая ограниченное, но уверенное наращивание тактического присутствия США и НАТО в Восточной Европе, не исчерпана и сегодня. Тревожным сигналом является заявление американских военных о возможности размещения в регионе ракет малой и средней дальности, что мотивируется якобы имеющим место нарушением договора РСМД со стороны России [Американские военные.., 2015].

Тем не менее, даже несмотря на усиление присутствия НАТО в Восточной Европе в 2014–2015 гг., детальная оценка военной инфраструктуры альянса в регионе позволяет говорить об общем сохранении баланса сил в области обычных вооружений в пользу России [Larrabee, Wilson, Gordon, 2015]. Увеличение численности и активности американских войск в Европе в 2014–2015 гг. в большей степени имело целью повышение авторитета Вашингтона в политическом диалоге с ЕС и утверждение его стратегического лидерства, нежели

достижение тактического паритета с российскими вооруженными силами в Восточной Европе. В известной степени трансатлантические отношения откатились на четверть века назад, к состоянию, о котором тогда говорилось, что НАТО «препятствует созданию мирной Европы, является главным рычагом Вашингтона в его европейской политике» [Караганов, Трофименко, Шеин, 1985, с. 1].

Появление «линий разделения» в Восточной Европе и последующее выстраивание здесь военной инфраструктуры привели к тому, что в Европе возобладал американский подход к безопасности, основанный на «жесткой» НАТО-центричной модели. Инклузивный вариант развития европейской архитектуры безопасности с включением России в общее пространство евроатлантической безопасности «от Ванкувера до Владивостока», упомянутый (в очень ограниченном и едва ли приемлемом для Москвы виде) в декларации Лиссабонского саммита НАТО 2010 г., был окончательно отвергнут. «Посткрымская» архитектура безопасности в повестке отношений США-ЕС основывается на укреплении политических и оборонных связей в рамках евроатлантической солидарности. В данной схеме, которая носит очевидно антироссийский характер, Россия играет роль и главного раздражителя, и главной смысловой оси в логике выстраивания системы безопасности, основанной на «линиях разделения» и идее «сдерживания Москвы».

Блокирование инклузивного варианта развития архитектуры европейской безопасности во многом оказалось следствием жесткой позиции Вашингтона по украинскому кризису, способствовавшей трансформации внутриполитического конфликта в игру с нулевой суммой в международном измерении. Таким образом, 2014 г. стал поворотным моментом в плане определения долгосрочного трека развития американо-европейского диалога по евроатлантической безопасности. Инклузивный вариант, в наибольшей степени соответствующий интересам западноевропейских стран, был исключен из повестки дня. США способствовали переносу конфронтационной модели российско-американских отношений на российско-европейские, что привело к утверждению несбалансированной архитектуры безопасности, основанной на силовом противостоянии России и Запада и являющейся фактором снижения, а не повышения уровня региональной безопасности.

Структурирование российско-западной конфронтации сопровождалось звучавшими со стороны Берлина и Парижа декларациями о приверженности идеи создания «единого гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [Декларация.., 2015]. Осенью 2014 г. идею построения такого пространства путем установления прямого диалога между ЕС и ЕАЭС озвучила канцлер ФРГ А. Меркель [Wagstyl, Khalaf, 2014]. Все эти предложения, однако, выглядят просто как способ «подсластить» пиллюлю.

Причина заключается в том, что фарватер для активных дипломатических действий на российском направлении для европейских государств остается довольно узким. Берлин и Париж, десять лет назад открыто критиковавшие США за вторжение в Ирак и демонстративно дистанцировавшиеся от неуклюжих, с их точки зрения, действий Вашингтона, в настоящий момент не пытаются формировать самостоятельную стратегию, довольствуясь той степенью свободы маневра, которую предоставляет им политика администрации Б. Обамы.

При этом «карикатурный», по выражению известного российского ученого-международника, характер российско-западной конфронтации [Караганов, 2015] позволяет описывать консолидацию Запада не столько как «возвращение» США в Европу, сколько как «реструктуризацию» их присутствия. Так, выстраивание натовской военно-политической инфраструктуры в Восточной Европе сопровождается сокращением присутствия альянса в Германии, переброской оборонных ресурсов из Евроатлантики в АТР. Консолидируя вокруг себя европейских союзников, Вашингтон преследует цель создать благоприятный тыл для «поворота в Азию», все более приобретающего черты политики сдерживания Китая.

Главным эффектом воздействия украинского кризиса на стратегические отношения США и их европейских союзников в 2014 г. стало появление мощной и актуальной консолидирующей повестки в виде противостояния «угрозе с Востока». Коренной пересмотр отношений Запада с одним из ключевых внезападных центров силы дал старт комплексной перестройке структуры трансатлантических отношений. В частности, стратегическое сближение оказало влияние на два других важнейших аспекта сотрудничества – диалог по торговле и особенно – по энергетике.

Украинский кризис и энергетический диалог США–ЕС

Украинский кризис дал мощный стимул к принятию политических мер по привязке европейских союзников к США в других областях, прежде всего в сфере экономики. Ключевым аспектом этого партнерства является снижение зависимости ЕС от импорта российского газа. В настоящий момент США не осуществляют поставки природного газа в страны ЕС и практически не экспортят сырью нефть ввиду законодательных ограничений, наложенных на экспорт сырой нефти с 1973 г. В 2014 г. экспорт американской сырой нефти в страны ЕС составил около 1,2 млн баррелей [Exports by destination.., 2015], что меньше однодневного потребления сырой нефти, например, в Германии (2,4 млн баррелей в день в 2013 г.) [Oil consumption.., 2014].

Наибольшую озабоченность ЕС и США вызывает зависимость Европы от поставок природного газа, для осуществления которых необходимо создание сложной и капиталоемкой инфраструктуры. Именно этот вопрос, ставший ключевым в ходе обсуждения проблем энергетической безопасности европейских союзников США, обсуждался на полях саммита ЕС–США в марте 2014 г. В ходе встречи с европейскими лидерами американский президент Б. Обама заявил о готовности снять законодательные ограничения на экспорт сжиженного природного газа (СПГ) из США для обеспечения возможности поставок американского сланцевого газа в Европу [Кравченко, Ходякова, 2014]. Другим аспектом энергетической безопасности ЕС в условиях конфронтации с Россией является наращивание поставок нефти. Однако реализации этого решения препятствует целый комплекс политических, экономических и технических трудностей, в силу чего реальный потенциал развития американо-европейских энергетических связей предстает далеко не в столь радужном свете, как в декларативных заявлениях Белого дома.

Главной преградой, затрудняющей поставки американского СПГ и сырой нефти в Европу, являются политические и экономические препятствия. Высокая заинтересованность американской нефтехимической промышленности в сохранении низких внутренних цен на природный газ, острые критика строительства терминалов СПГ со стороны экологов, а также заявка Б. Обамы на ак-

тивную поддержку «зеленых технологий» (еще в период его первой администрации) обусловливают высокую политическую цену полной либерализации экспорта углеводородов. С весны 2014 г. администрация Б. Обамы так и не сумела провести законодательные изменения режима экспорта американского природного газа и нефти.

Организация поставок американского СПГ в ЕС в краткосрочной перспективе остается невозможной и в силу отсутствия инфраструктуры. На 2015 г. в США отсутствуют СПГ-терминалы для масштабных поставок сжиженного сланцевого газа в страны ЕС. Введение в строй первого такого терминала запланировано на 2016 г. Всего существующие проекты предполагают введение шести терминалов в период с 2016 по 2020 г. суммарной экспортной мощностью 118 млрд куб. метров природного газа в год. В то же время в 2013 г. потребление природного газа в ЕС составило 392 млрд куб. метров, а доля российского экспорта – ок. 161 млрд куб. метров (ок. 30%) [Самофалова, 2014]. Таким образом, в среднесрочной перспективе даже с учетом всей экспортной мощности и сохранения потребления энергоносителей в Европе на текущем уровне США не смогут полностью заместить поставки российского газа.

Важным препятствием на пути американских энергетических поставок в ЕС является их относительно низкая экономическая рентабельность. Текущая рыночная конъюнктура делает практически невозможными (даже с учетом отмены законодательных ограничений) поставки в ЕС американской сырой нефти. В условиях прогнозируемых среднесрочных цен в коридоре 60–70 долл. США за баррель в ближайшие пять лет добыча сланцевой нефти будет оставаться малорентабельной. Так, в прошлогоднем отчете Международного энергетического агентства средним порогом рентабельности нефтяных компаний, специализирующихся на сланцевых месторождениях, указывалась цена в 80 долл. за баррель [Оверченко, 2014].

Структура энергетического рынка будет препятствовать и поставкам американского сланцевого газа в ЕС. В настоящий момент наиболее привлекательным и быстрорастущим рынком для поставок СПГ является Азия, в частности Япония, Китай и Республика Корея, где средняя цена за кубический метр природного газа примерно на 100 долл. выше, чем на европейском рынке. Это обу-

словливают стремление американских производителей обеспечить себе присутствие именно на рынках Азии. Таким образом, развитие поставок американских энергоресурсов не имеет экономического смысла, если благоприятные политические условия для налаживания европейско-американского энергетического партнерства не будут сохраняться достаточно длительное время для обеспечения американским поставкам конкурентных преимуществ.

В свою очередь, европейская инфраструктура по приему СПГ также обладает ограниченными возможностями для обеспечения американских поставок. К 2014 г. регазификационными терминалами обладали Великобритания, Франция, Испания, Италия, Бельгия, Португалия и Греция, не имеющие при этом ни инфраструктуры, ни излишков для реэкспорта природного газа в другие страны ЕС. Постепенное строительство инфраструктуры по приему СПГ идет в Прибалтике. В октябре 2014 г. первый регазификационный терминал был открыт в Литве. В ноябре стало известно о достижении соглашения между Финляндией и Эстонией об организации совместного проекта строительства терминалов в этих странах.

Вашингтон приветствовал создание инфраструктуры по приему СПГ на Балтике. Официальный представитель Госдепартамента Д. Ратке отметил, что это «новейшее дополнение к энергетической безопасности Европы будет введено в эксплуатацию до конца текущего десятилетия» [США заинтересованы..., 2014]. Активизация процесса создания балтийского кластера СПГ-терминалов остается пока единственным косвенным последствием активизации энергетического диалога США и ЕС, отразившимся в реализации конкретного проекта.

Другим важным аспектом стратегии снижения зависимости ЕС от российских энергоресурсов стало политическое торпедирование проекта «Южный поток». Проект прокладки трубопроводной инфраструктуры в страны Южной Европы по дну Черного моря вызывал раздражение в Брюсселе, безуспешно лobbировавшем с начала 2000-х годов строительство газопровода «Набукко». В условиях катастрофического падения российско-европейских отношений и отсутствия мощного геополитического лоббиста среди стран ЕС «Южный поток» (в отличие от «Северного потока») оказался в крайне уязвимом положении. Летом 2014 г. ЕС и США

предприняли консолидированные усилия по давлению на наиболее заинтересованную и глубоко вовлеченнную в работу над проектом страну ЕС – Болгарию. 9 июня 2014 г. после встречи с группой американских сенаторов премьер-министр Болгарии А. Вучич заявил о приостановке работы над проектом [Болгария отказалась..., 2014]. В свою очередь, 1 декабря в ходе визита в Турцию российский президент В. Путин заявил об отказе от строительства «Южного потока», предложив заменить его «Турецким потоком» – альтернативным маршрутом прокладки труб через территорию Турции [РФ отказалась..., 2014].

Таким образом, участие США в энергетической безопасности ЕС в обозримой перспективе будет осуществляться преимущественно политико-дипломатическими методами в силу объективной невозможности физических поставок американского газа. Тем не менее стремление Вашингтона усилить свою роль в энергетической безопасности ЕС может иметь глубокие последствия в долгосрочном плане. Пожалуй, наиболее эффективные меры, принятые США и ЕС для снижения зависимости Европы от российского газа, заключаются в структуре и объектах принятых санкций. Запрет на продажу оборудования и технологий для газо- и нефтедобычи, в частности для глубоководного бурения, а также ограничение на предоставление займов ключевым игрокам российского топливно-энергетического комплекса в долгосрочной перспективе способны затруднить наращивание добычи энергоресурсов Россией. И, следовательно, снизить долю российских энергоресурсов на европейском рынке.

Сохраняющаяся при этом проблема отсутствия технических возможностей для организации поставок американского сланцевого газа в ЕС может быть разрешена только в долгосрочной перспективе. Однако масштабная закачка американского газа в трубы ЕС, даже при появлении таких возможностей, будет требовать сохранения ряда внутри- и международно-политических переменных, создающих благоприятный политический климат для перераспределения баланса сил на европейском рынке энергоносителей.

Таким образом, американское участие в обеспечении энергетической безопасности ЕС остается пока фактором больше из области желаемого, нежели действительного. Вместе с тем сама возможность организации американских энергетических поставок в

будущем является мощной консолидирующей повесткой, ободряющей сторонников углубления российско-западной конфронтации, порой на 100% зависимых от российских энергопоставок (как, например, Польша). При этом «виртуальная» трансатлантическая энергетическая связка дает Вашингтону дополнительный козырь в другой важной для американо-европейских отношений области – диалогу по ТТИП.

Проблемы институционализации экономических связей

Выступая на мероприятии Института геостратегии экс-советника по национальной безопасности З. Бжезинского, бывший председатель сенатского комитета по внешней политике сенатор Р. Мененdez заметил: «Мы должны смотреть на ТТИП¹ с точки зрения безопасности как сильный сигнал Путину, что США и ЕС не разделимы. Что касается энергетики, Европа никогда не будет в безопасности до тех пор, пока не будет обеспечена ее энергетическая безопасность» [Senator Menendez., 2015]. Таким образом, флагманский проект в развитии европейско-американского экономического сотрудничества попал под влияние стремительно изменившейся стратегической ситуации в Восточной Европе.

Торгово-экономическое партнерство США и ЕС остается одной из главных опор американо-европейской стратегической оси, в то же время – источником противоречий. Углубление противоречий в последние годы было связано с различными подходами США и ЕС к преодолению последствий глобального финансово-экономического кризиса, усилению конкуренции на мировых рынках, а также с непростыми переговорами по заключению соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве.

Торговый оборот между США и ЕС в 2014 г. составил около 700 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2013 г. (650 млрд долл.) [U.S. trade., 2015]. Рост американо-европейской торговли вывел ЕС на первое место среди крупнейших торговых партнеров США (в 2014 г. торговый оборот США с Канадой –

¹ Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) – проект всеобъемлющего соглашения о свободной торговле между США и ЕС, инициированное администрацией Б. Обамы в 2013 г.

660 млрд долл., с Китаем – 590 млрд долл.), сохранив за США первое место среди торговых партнеров ЕС. При этом США укрепили свои позиции в качестве крупнейшего рынка сбыта для европейских товаров, значительно превосходящего по показателю импорта из ЕС ближайших конкурентов: Швейцарию, Китай и Россию. При этом, однако, европейский рынок по-прежнему закрыт для ряда наименований американских товаров, в частности продовольствия, фармацевтической продукции. Важным источником противоречий остается и вопрос о выработке общих стандартов финансового регулирования. В частности, формируемый в ЕС Банковский союз затрудняет, по сути, деятельность «чужих» банков на европейском рынке.

В этом контексте проект ТТИП выглядит как попытка США ослабить регулятивные барьеры ЕС и сформировать преференциальный торговый блок в рамках евроатлантического региона. Вашингтон при этом не скрывает высокую geopolитическую значимость проекта. Так, запуская в 2013 г. переговорный процесс по ТТИП, Б. Обама отмечал, что, «взглянув дальше узких озабоченностей, мы сможем увидеть более широкую перспективу – экономическую и стратегическую значимость проекта», добавляя при этом, что «экономический альянс будет столь же силен, сколь и альянс безопасности» [Remarks..., 2013]. При этом в торгово-экономической и стратегической связке более крупная и хорошо управляемая национальная экономика США неизбежно будет играть ведущую роль, как и в рамках оборонного альянса.

«Угроза с Востока» и консолидация перед ней евроатлантического пространства способствовала повышению geopolитической значимости проекта. Так, выступая на слушаниях подкомитета по Европе и региональной безопасности, исполнительный вице-президент Атлантического совета Д. Вильсон заявил, что «комплексная трансатлантическая стратегия сдерживания Путина должна быть распространена на те сферы, где мы имеем большой потенциал – торговлю и энергетику», отметив при этом ключевую роль ТТИП в этом аспекте [Wilson, 2015, р. 7]. Аналогичным образом высказывался и упомянутый выше сенатор Менендес.

Консолидация Запада в условиях конфронтации с Россией объективно подталкивает ключевых европейских лидеров к скорейшему завершению переговоров по проекту. Так, поддержку

скорейшему заключению ТТИП с учетом его стратегического значения неоднократно выражала федеральный канцлер Германии А. Меркель. За скорейшее заключение соглашения высказался и новоизбранный глава Еврокомиссии Ж.К. Юнкер [Kroet, 2015]. Косвенной победой сторонников трансатлантической зоны свободной торговли можно назвать заключение в сентябре 2014 г. аналогичного ТТИП соглашения между ЕС и Канадой, включающего договоренности по ряду наиболее острых проблем.

Мощным фактором усиления американской позиции в переговорах по ТТИП стала энергетика. В 2014 г. в условиях начавшейся российско-западной конфронтации выступающий за снижение зависимости от российских энергетических поставок Брюссель попытался увязать американо-европейский энергетический диалог с переговорами по заключению соглашения о ТТИП. Направляя запрос о возможном включении в ТТИП соответствующего пункта, европейские переговорщики напрямую ссылались на «неустойчивость на восточном фланге», грозящую ограничением российских газовых и нефтяных поставок в ЕС [DePillis, 2014].

Для американо-европейских экономических отношений маневр Брюсселя имел разносторонние последствия. С одной стороны, использование столь весомого рычага, как переговоры по ТТИП, способствовало активизации дебатов по изменению правового режима экспорта американских углеводородов, укрепляя позиции сторонников отмены или ослабления законодательных запретов, – этого, по-видимому, и добивался Брюссель. Внесение пункта о либерализации экспортного режима нефти и газа в соглашение по ТТИП потенциально способно было бы облегчить процедуру демонтажа жестких законодательных ограничений на экспорт углеводородов, преодолев политическое сопротивление заинтересованных в сохранении барьеров отраслей американской промышленности. В то же время включение энергетического измерения в переговоры по ТТИП объективно укрепило переговорные позиции США как провайдера энергетической безопасности (хотя в настоящий момент и «виртуального»).

При этом утечка сведений об увязке «энергетического вопроса» с торговым соглашением усилила позиции противников ТТИП как такового. Так, в июле 2014 г. группа экологических объединений, включающая такие крупные организации, как «Greenpeace»,

«Sierra Club», «Oxfam America» и Совет защиты природных ресурсов, выступила с заявлением, призывая изъять энергетическую повестку дня из диалога по ТТИП и угрожая в противном случае не-приятием соглашения в предлагаемой европейцами форме [Carter, 2014]. Широкие лоббистские возможности американских «зеленых» организаций в условиях политического ослабления уходящей администрации могут стать серьезной угрозой соглашению, в случае если проект будет содержать пункты об упрощении режима экспортного углеводородов в ЕС.

В Европе наиболее острой критике подвергается предполагаемое повышение уровня защищенности инвесторов в ущерб регулятивным функциям европейских государств. Негативную политическую реакцию вызывает пункт об урегулировании споров между государствами и инвесторами, в соответствии с которым инвесторы получают режим максимальной защищенности от инициатив в областях, косвенно способных затронуть долгосрочные инвестиционные проекты, в частности в сфере социальной и экологической политики, а также право оспаривать решения государств в этих сферах в судебном порядке. Данные нормы призваны обеспечить защиту инвестиционной деятельности при фокусированности европейского права на социальном законодательстве и защите потребителей, что должно повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность экономики ЕС в условиях слабого роста. Данный пункт, однако, вызывает острое сопротивление социалистических партий и «зеленых», выступающих за увеличение регулирующих функций отдельных государств и наднациональных институтов в этих сферах. Сильное политическое сопротивление заключению соглашения как в США, так и в Европе остается главным камнем преткновения в переговорах по ТТИП. Консолидирующий эффект конфронтации с Россией облегчает преодоление и этого препятствия.

Украинский кризис, таким образом, способствовал формированию благоприятного геополитического климата для укрепления американо-европейской стратегической связки и усилил американские позиции в рамках переговоров по ТТИП. Институционализация геоэкономической связки в рамках евроатлантического пространства способна усилить консолидацию Запада вокруг США в дополнение к оборонному блоку.

Заключение

Украинский кризис, переросший в масштабный конфликт Россия–Запад, оказал комплексное воздействие на отношения ЕС и США. В последние полтора года он превратился из конъюнктурного (каким он был в 2013 – начале 2014 г.) в структурный фактор стратегической и экономической консолидации Запада. Для отношений с другими центрами силы эта консолидация (в силу самого своего характера и природы) будет иметь негативные последствия. Украинский кризис является в данном случае ярким примером.

При этом американо-европейская консолидация показательна с точки зрения вариативности использования Вашингтоном двусторонних и многосторонних, институциональных и внеинституциональных форматов для укрепления своего лидерства в рамках этого процесса. Комплексный характер политики США проявился в использовании институтов (НАТО, ЕС, еще не сформировавшегося ТТИП) и двусторонних связей для синхронизации давления на Москву и продвижения американской повестки регулирования украинского кризиса. Вашингтон активно использовал экономический и политический потенциал ЕС, а также возможности европейских институтов по консолидации и выработке общеевропейского подхода к глобальным и региональным проблемам.

Фактическое отсутствие у ЕС собственного оборонного потенциала стало ключевым фактором, обеспечившим доминирование американской повестки практически во всех вопросах, прямо или косвенно затронутых украинским кризисом. Доминирующая роль Вашингтона в сфере безопасности позволила ему оказывать влияние и на принятие решений в сфере использования экономических и политических ресурсов ЕС. При этом институциональная структура европейской безопасности демонстрировала эрозию общеевропейских форматов (ОБСЕ) в пользу блоковых.

Хотя наиболее заметным последствием трансатлантической консолидации стал пересмотр отношений Вашингтона и его европейских союзников с Россией, украинский кризис оказал воздействие на отношения Запада и с другими центрами силы, прежде всего с крупнейшим растущим гигантом – Китаем. На фоне развития российско-западной конфронтации в 2014 г. резко ужесточилась и

позиция США в отношении Китая, в частности, по вопросам его пограничных территориальных споров. Экономическую консолидацию американских союзников через институциональные форматы (ТТИП и ТТП – Транстихоокеанское партнерство) следует рассматривать как параллельные, взаимосвязанные процессы в АТР и Евроатлантике.

Украинский кризис, таким образом, стал косвенным инструментом замедления (но не обращения вспять) тенденции на ослабление центральной роли Запада в мировых делах. Американо-европейская стратегическая и экономическая ось укрепилась в 2014–2015 гг., а воздействие Запада на развитие международной системы увеличилось в связи с активизацией политico-дипломатического взаимодействия США и ЕС не только по украинскому кризису, но и по широкому кругу внегеографических вызовов: иранской ядерной программе, борьбе с террористами ИГИЛ, противодействию распространению вируса Эбола. В долгосрочном плане, однако, ухудшение отношений с другими центрами силы, в том числе с Россией, будет, видимо, размывать западноцентричный международный порядок.

Для России американо-европейская консолидация, реструктуризация присутствия США в Европе стали фактором существенного ограничения пространства для диалога с Западом, с ЕС и с отдельными странами Евросоюза, а украинский кризис лишь ускорил и оформил тенденцию на пересмотр российско-западных отношений.

Список литературы

Американские военные предложили разместить в Европе нацеленные на Россию ракеты // Интерфакс. – М., 2015. – 05.07. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/445878> (Дата обращения – 15.09.2015).

Болгария отказалась разморозить «Южный поток» без согласования с Брюсселем // Forbes. – М., 2014. – 05.08. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/264571-bolgariya-otkazalas-razmorozit-yuzhnyi-potok-bez-soglasovaniya-s-bryusselem> (Дата обращения – 15.09.2015).

Глава МИД Британии призвал к исключению РФ из ряда организаций // РИА Новости. – М., 2014. – 23.03. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140323/1000688440.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

Декларация Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и Канцлера Федеративной Республики Германия в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 года // Президент России. – М., 2015. – 12.02. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4803> (Дата обращения – 15.09.2015).

Караганов С.А. Европа: Поражение из рук победы? // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – 19.02. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Evropa-porazhenie-iz-ruk-pobedy-17304> (Дата обращения – 15.09.2015).

Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шеин В.С. США – диктатор НАТО. – М.: Советская Россия, 1985. – Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=155288&p=1> (Дата обращения – 15.09.2015).

Керри подтвердил, что США обсуждают санкции против Украины // РИА Новости. – М., 2014. – 19.02. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140219/995894140.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

Кравченко Е., Ходякова Е. Обама пустил газ // Ведомости. – М., 2014. – 27.03. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/27/obama-pustil-gaz> (Дата обращения – 15.09.2015).

Лукьянин Ф. Во что собирается НАТО // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – 01.09. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Vo-chto-soberetsya-NATO-16904> (Дата обращения – 15.09.2015).

Обама впервые поддержал мирных манифестантов с Евромайдана // РБК. – М., 2014. – 29.01. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/29/01/2014/902146.shtml> (Дата обращения – 15.09.2015).

Оверченко М. Компании, добывающие сланцевую нефть, рентабельны при цене \$80 за баррель – МЭА // Ведомости. – М., 2014. – 14.10. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/10/14/iesnizilo-prognoz-mirovogo-potrebleniya-nefti-v-2015-godu> (Дата обращения – 15.09.2015).

РФ отказалась от «Южного потока», газ в Европу пойдет через Турцию // РИА Новости. – М., 2014. – 02.12. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20141202/1036071445.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

Самофалова О. Давит газовыми речами // Взгляд. – М., 2014. – 26.03. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/economy/2014/3/26/679119.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

США заинтересованы в строительстве в Европе инфраструктуры для СПГ // РИА Новости. – М., 2014. – 26.11. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20141126/1035297447.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

Телефонный разговор Виктории Нуланд с послом США на Украине // Эхо Москвы. - М., 2014. - 07.02. - Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1253668-echo/> (Дата обращения - 15.09.2015).

Agreement on the settlement of crisis in Ukraine // Auswärtiges Amt. - Kyiv, 2014. - 21.02. - Final 6:45. - 3 p. - Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/671350/publicationFile/190045/140221-UKR_Erklaerung.pdf (Дата обращения - 15.09.2015).

Carter Z. How Putin is shaping the next U.S. free trade deal // The Huffington Post. - N.Y., 2014. - 24.07. - Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2014/07/24/putin-ttip-energy_n_5615359.html (Дата обращения - 15.09.2015).

DePillis L. A leaked document shows just how much the EU wants a piece of America's fracking boom // The Washington Post. - Wash., 2014. - 08.07. - Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/news/wonkblog/wp/2014/07/08/could-a-trade-deal-lift-the-u-s-longstanding-ban-on-crude-oil-exports-europe-thinks-so/> (Дата обращения - 15.09.2015).

Exports by destination: Crude oil // U.S. energy information administration. - Wash., 2015. - 31.08. - Mode of access: http://www.eia.gov/dnav/pet/PET_MOVE_EXPC_A_EPC0_EEX_MBBL_M.htm (Дата обращения - 15.09.2015).

Gude H., Schmid F. Deadly Ukraine crash: German intelligence claims pro-russian separatists downed MH17 // Spiegel Online. - Hamburg, 2014. - 19.10. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/europe/german-intelligence-blames-pro-russian-separatists-for-mh17-downing-a-997972.html> (Дата обращения - 15.09.2015).

Kroet C. Merkel and Juncker aim to conclude TTIP this year // Politico. - Bruxelles, 2015. - 04.03. - Mode of access: <http://www.politico.eu/article/merkel-and-juncker-aim-to-conclude-ttip-this-year/> (Дата обращения - 15.09.2015).

Larrabee F.S., Wilson P.A., Gordon J. The Ukrainian crisis and European security: Implications for the United States and U.S. army / RAND Corporation. - Santa Monica, CA, 2015. - 50 p. - Mode of access: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR903.html (Дата обращения - 24.10.2015).

Oil consumption in Germany 1997 to 2014 // Statista. - N.Y., 2014. - Mode of access: <http://www.statista.com/statistics/262843/development-of-oil-consumption-in-germany/> (Дата обращения - 15.09.2015).

Remarks by President Obama, U.K. Prime Minister Cameron, European Commission President Barroso, and European Council President Van Rompuy on the Transatlantic Trade and Investment Partnership // The White House office of the press secretary. - Lough Erne, 2013. - 17.06. - Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/remarks-president>

obama-uk-prime-minister-cameron-european-commission-pr (Дата обращения – 15.09.2015).

Russia's global image negative amid crisis in Ukraine: Americans' and Europeans' views sour dramatically // Pew research center. – Wash., 2014. – 09.07. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/> (Дата обращения – 15.09.2015).

Senator Menendez remarks at CSIS Brzezinski institute on geostrategy // US Senate Committee on foreign relations. – Wash., 2015. – 09.03. – Mode of access: <http://www.foreign.senate.gov/press/ranking/release/senator-menendez-remarks-at-csis-brzezinski-institute-on-geostrategy> (Дата обращения – 15.09.2015).

Speck U. Germany plays Good cop, Bad cop in Ukraine // Carnegie Europe. – Brussels, 2014. – 25.06. – Mode of access: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=56011> (Дата обращения – 15.09.2015).

U.S. trade in goods by country // United States census bureau. – Wash., 2015. – Mode of access: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.html> (Дата обращения – 15.09.2015).

Wagstyl S., Khalaf R. Merkel offers Russia trade talks olive branch // The Financial Times. – L., 2014. – 26.11. – Mode of access: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/93e5e066-757a-11e4-b1bf-00144feabdc0.html#axzz3jBdNM4IU> (Дата обращения – 15.09.2015).

Wales summit declaration // NATO. – 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения – 15.09.2015).

Wilson D.M. A transatlantic strategy to deter Putin's aggression / US Senate Committee on foreign relations. – Wash., 2015. – 04.03. – 8 p. – Mode of access: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/030415_Wilson_Testimony.pdf (Дата обращения – 15.09.2015).

Wong K. Army plans to shift 3,000 troops to Europe // The Hill. – Wash., 2015. – 01.10. – Mode of access: <http://thehill.com/policy/defense/229105-army-plans-to-shift-3000-troops-to-europe> (Дата обращения – 15.09.2015).